

описал его на стенах моей часовни в Жуанвиле, а также на хрустальных стеклах витража в Блекуре.

Проведя десять недель в море, мы пришли в порт примерно в двух лье от замка Йер. Он принадлежал графу Прованскому, который потом стал королем Сицилии и Неаполя. И королева, и все члены совета сошлись во мнении, что здесь король должен сойти на берег, потому что эта земля принадлежала его брату. Тем не менее король сказал, что не оставит корабль, пока мы не придем в Эг-Морт (в 25 км восточнее Монпелье, в Камарге. – Ред.), который лежал на его собственной территории. В таком мнении он оставался и в среду и в четверг, и мы не могли переубедить короля.

У всех этих кораблей, построенных в Марселе, было по два руля, и вы могли бы управлять таким кораблем совершенно удивительным образом, поворачивая его направо или налево с той же легкостью, с которой разворачиваете лошадь во время пахоты. В пятницу, когда король сидел за одним из этих румпелей, он подозвал меня к себе и сказал: «Что ты думаешь на эту тему, сеньшаль?» – «Сир, – ответил я, – вас может постичь такая же судьба, как мадам де Бурбон, которая не высадилась в этом порту, а направилась в Эг-Морт и провела в море шесть полных недель».

Король созвал своих советников и, передав им мои слова, спросил, что они ему посоветуют. Все они были единодушны во мнении, что ему стоит высадиться здесь, потому что с его стороны было бы не очень продуманно, когда они уже избавились от многих опасностей, снова подвергать им в море себя, жену и детей. Король принял решение, согласно нашему совету, что очень обрадовало королеву.

Король и его семья высадились рядом с замком Йер. Когда Людовик ждал лошадей для возвращения в Иль-де-Франс, аббат из Клюни – позже он стал епископом Оливским – подарил ему двух иноходцев, которые сегодня стоили бы пятьсот ливров, одного для самого короля, а другого для королевы. Подведя их, аббат сказал королю: «Я приду завтра, ваше величество, чтобы поговорить о моих личных делах». Он вернулся на следующий день. Король слушал его долго и внимательно. Когда аббат ушел, я явился к королю и сказал: «Я хотел бы спросить, если вы мне позволите, – вы столь благожелательно выслушали аббата из Клюни потому, что вчера он подарил вам двух коней?» Король надолго задумался и затем сказал: «Говоря по правде, да». – «Ваше величество, – сказал я, – знаете, почему я задал вам этот вопрос?» – «Почему же?» – спросил он. «Потому, – ответил я, – что серьезно советую вашему величеству, вернувшись в ваше королевство, запретить всем вашим советникам, отправляя правосудие, принимать что-либо в подарок от тех, кто собирается представить свое дело. Потому что можете не сомневаться, что, получив подарок, они выслушают дарителей с большей охотой и вниманием, точно так же, как и вы сделали в случае с аббатом Клюни». Король немедленно собрал своих советников и передал им мои слова; они ответили, что я дал хороший совет.

Король выслушал рассказы о монахе-францисканце брате Гуго, и, поскольку у него была очень хорошая репутация, он пригласил его, чтобы увидеть и послушать его проповеди. В тот день, когда брат Гуго прибыл в Йер, мы увидели на дороге, по которой он направлялся к нам, большую толпу мужчин и женщин – они пешком следовали за ним. Король обратился к нему с просьбой помолиться. Брат Гуго начал проповедь с упоминания о монастырском уставе. «Мессир, – сказал он, – я видел очень много монахов при дворе короля и в его обществе. Я и сам, – добавил он, – часто бывал здесь и должен сказать, что монахи находятся здесь не ради спасения души – разве что Святое Писание врет нам, что невозможно представить. Ибо сие Священное Писание гласит нам, что монах не может жить вне своего монастыря – так же как рыба не может жить без воды. Если же эти монахи, которые присутствуют при короле, считают, что его двор – это монастырь, могу сказать лишь, что это самый большой монастырь, который я видел, потому что он тянется от одного берега моря до другого; и, если они считают, что в таком монастыре они могут вести праведную жизнь, спасая свои души, я им не верю. Ибо говорю вам, что, пребывая вместе с ними, я в изобилии ел разные сорта мяса и пил много крепких и искристых вин великолепного качества. И могу уверенно утверждать, что в своих монастырях они бы не могли вести столь легкую и удобную жизнь, как при короле».

В ходе своей проповеди монах рассказал королю, как тот должен править ради блага своих подданных. Он завершил свое обращение словами, что читал Библию и много трудов, которые помогают объяснить это, но нигде, ни в христианских, ни в иных писаниях он никогда не видел, чтобы какое-либо королевство или иное владение было потеряно или перешло от одного властителя к другому, если в нем соблюдались права и законы. «Таким образом, – сказал брат Гуго, –